

**КЕНАН АЛЛАХВЕРДИЕВ**

*кандидат философских наук,*

*доцент кафедры «Политологии и политического управления» Академии  
Государственного Управления при Президенте Азербайджанской Республики*

### **СООТНОШЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИКИ И РЕЛИГИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В эпоху глобализации, когда наряду с ускорением с ускорением всех аспектов развития человечества, нарастает и все более интернационализируется перманентная волна насилия, этнических и религиозных конфликтов, проблемы их реального разрешения создают необходимость в широком формате участия всех общественных сил для преодоления имеющихся расколов гражданского мира и социокультурного согласия.

Известное пророчество С. Хантингтона о том, что конфликты будущего будут представлять собой «столкновение цивилизаций» [5], в основе которых лежит религиозный фактор, у многих исследователей вызвало стремление, не дожидаясь будущего, доказать их реальность уже в современной действительности. В политологических изданиях и публикациях общеупотребительным стало словосочетание «этнополитические и этноконфессиональные конфликты», — при этом, серьезно не озабочиваясь раскрытием природы и особенностей последних. Например, авторы довольно солидной монографии «Конфликты на Востоке. Этнические и конфессиональные», даже в ее первой, теоретико-методологической главе («Этноконфессиональные конфликты современности и подходы к их урегулированию»), так ни разу не выводят феномен этноконфессионального конфликта в качестве самостоятельного объекта исследования. По сути, анализируется лишь сам религиозный (конфессиональный) фактор, тем самым, фактически сводя этноконфессиональные конфликты лишь к разновидности этнополитических конфликтов [3]. Примерно такой же интерпретации смысловой тождественности или параллельного употребления данных категорий можно встретить во многих монографиях [6], учебно-методических программах и учебных пособиях [4].

Именно эта потребность, начиная с конца XX века во все возрастающей степени, определяет попытки международной общественности использовать наработанный многими веками потенциал мирного сосуществования народов и религий. С большим основанием можно утверждать, что одной из таких исторических «зон» религиозной и этнической толерантности и является Азербайджан — страна с многовековыми традициями мирного сосуществования различных народов и конфессий.

В понимании феномена толерантности (от англ. tolerance — терпимость, в свою очередь произошедшего от лат. tolerantia — терпение) как характеристики готовности общества к принятию отличных от господствующих в нем мнений, убеждений и моделей поведения, всегда существовало и до сих пор осталось противоречивое отношение: от однозначного позитивного до активного неприятия. Так, с одной стороны, в контексте западного менталитета толерантности приписывается чудодейственная способность органичного сочетания широкой коммуникативности со свободой самоидентификации индивидов, групп, т.е. по своим внутренним свойствам особого социокультурного способа разрешения накопившихся в обществе противоречий. С другой стороны, толерантность нередко воспринимается как фактор разрушения наций и государств, процесс якобы уничтожения всего того, что служит объединению индиви-

Tarix və onun problemləri, №3 2009

дов на этноконфессиональной и государственной основе. Широко распространены и попытки смыслового разграничения терпения и толерантности, их противопоставления друг другу [7].

Особо следует сказать о примордиалистских представлениях о толерантности и ее различных разновидностях (социально-этнической, религиозной и др.) как имманентном качестве, присущем всем народам. К примеру, в докладах на Всероссийской научной конференции “Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтнического и многоконфессионального региона” (Махачкала, март 2007 г.) утверждалось, что этническая толерантность – это особая черта любого этноса, неотъемлемый элемент структуры этнического менталитета [2]. К сожалению, жесткая действительность начала XXI века, в том числе и на Кавказе, не дает оснований для столь оптимистичных обобщений.

Именно поэтому становление независимой азербайджанской государственности оказалось тесно связано с целенаправленным использованием традиций толерантности. Особо в этом контексте, по мнению многих общественных и религиозных деятелей, следует отметить, что демократический вектор развития современного азербайджанского общества и государства придал еще больший импульс, прежде всего, межконфессиональной толерантности.

Существование взаимосвязей между религией и политикой, а также их производными: традиционной и политической культурами, ценностями, институтами, всегда было полем ожесточенных научных и политических дискуссий. Вопросу о том, как в новых условиях происходит сосуществование сфер религии и этнополитики посвящено огромное количество политико-религиозной, научной и околонаучной литературы. И, тем не менее, по нашему мнению, в данной проблематике «неисследованными пятнами» все еще остается очень много вопросов.

Особую значимость эти вопросы представляют для государств, переживающих транзитный период своего развития (к ним можно отнести все новые независимые страны постсоветского пространства, и в том числе на Кавказе). В них, в силу незавершенности процессов этносоциального и национально-государственного развития, а также сопутствующих демократическому транзиту трудностей, возникает особая напряженность при наложении проблем политического, этнического и конфессионального характера. А это в свою очередь, создает для этнополитической, и в целом национальной безопасности этих государств, сложную комбинацию угроз с повышенным конфликтогенным потенциалом.

Прежде всего, отметим, что этничность и конфессиональность находятся между собой не в отношениях взаимоотрицания, а скорее, взаимодополнения: происходящие здесь различные типы негативных и позитивных, интеграционных и дезинтеграционных процессов, в значительной своей части уравнивают друг друга. В то же время, поскольку определить точные механизмы взаимодействия имманентных качеств этничности и конфессиональности представляется весьма сложной задачей, требующей своего отдельного рассмотрения, то продуктивней будет сосредоточиться на выявлении контактных зон такого взаимодействия. Именно в пересекающихся полях взаимодействия и возникает новая социоантропогенная реальность, производная от «сплава» этничности и конфессиональности – этноконфессиональность.

В этой связи возникают два вопроса: каков же механизм трансляции этноконфессионального воздействия на систему национальной безопасности; и, каковы особенности протекания этого процесса в транзитных государствах Кавказа?

Отвечая на поставленный первый вопрос, отметим, что рассмотренные выше четыре типа этноконфессионального воздействия реализуются не в форме прямого проецирования на всю систему национальной безопасности по схеме: этноконфессиональность – экономическая безопасность; этноконфессиональность – политическая безопасность, и т.д. Логичней все-таки предположить наличие в системе национальной безопасности ее такого сегмента, который стал бы «естественными воротами» для абсорбции сложившегося в обществе основного этноконфессионального импульса.

Мы считаем, что таким естественным медиаторным сегментом является этнополитическая безопасность, в рамках которой происходит сбалансирование соотношения между конкретным вектором этноконфессионального воздействия (например, нетерпимость, и комплексом национальных интересов, обусловленных контекстом этнонационального бытия. Отсюда, и выбор тех или иных интересов (действительных и ложных, стратегических и синоминутных, важных и второстепенных) в качестве национальных, оказывается напрямую зависимым от своеобразного этнополитического «фильтра».

Интерес к этноконфессиональной стороне проблемы толерантности появляется лишь в последней четверти XX века, когда происходит обострение целого ряда конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке (кипрский, ливанский, курдский и др.). Именно тогда у политиков, общественных и религиозных деятелей, ученых, появляется стремление распространить философию толерантности и на создание действенной системы предотвращения и нейтрализации угроз безопасности. Формулируя суть этого подхода, Гаджимирзаев М.М. отмечает: «Этноконфессиональная толерантность (как фактор обеспечения мира и безопасности) – есть феномен, отражающий характер взаимоотношений и социально-политической деятельности субъектов политики, в том числе социальных, этнических, конфессиональных групп и отдельных граждан, выражающийся в их терпимости, взаимопонимании и согласии, оказывающих существенное воздействие на состояние защищенности личности, общества, государства и его регионов от внешних и внутренних угроз» [1, с.9].

Из сказанного становится очевидным, что этноконфессиональный фактор уже сегодня в форме «нового национального вопроса» находит все большее отражение в этнополитической безопасности европейских стран, вынуждая последних вносить серьезные коррективы в свои приоритеты и отказываться от традиционной гражданско-ассимиляционной модели этнической политики (в ее основе лежит французская модель), в пользу политики «мультикультурализма».

В отличие от европейских стран, преломление ранее отмеченных этноконфессиональных импульсов в этнополитической безопасности транзитных государств Кавказа, имеет свои особенности.

Во-первых, это более высокая, по сравнению с развитыми демократическими странами, значимость внешнего фактора в детерминации конкретного этноконфессионального вектора в этнополитической безопасности государств Кавказского региона:

Во-вторых, широкий диапазон моделей этноконфессиональности:

- в Армении – этноконфессиональная нетерпимость;
- в Грузии – тенденция этноцентризма;
- в Азербайджане – этноконфессиональная толерантность.

В-третьих, высокий уровень инструментализации этноконфессионального фактора, когда противоборствующие этнические элиты активно используют его в качестве ресурса мобилизации или объединительной символики.

Tarix və onun problemləri, №3 2009

В-четвертых, этноконфессиональность ускоряет процессы стирания граней между конфессиональными и этнополитическими конфликтами, а также выявлению тенденции к интернационализации региональных и даже локальных конфликтов.

Суммируя эти особенности, можно охарактеризовать роль этноконфессионального фактора в структурировании системы этнополитической безопасности транзитных государств, по меньшей мере, в двух плоскостях.

Во-первых, в отличие от этнической и конфессиональной сфер, этноконфессиональность не является самостоятельным субстратом жизни народа. Обусловленную исторически развивающейся сопряженностью этих сфер, этноконфессиональность представляет собой качественно новую социоантропогенную идентичность, создающую фоновую социально-психологическую среду, в которой происходит дальнейшее структурирование этноса путем этнонациональной имплементации религии, трансляции конфессионального содержания в этнические формы, конструирования новых системных компонентов социальной жизни этноса.

Во-вторых, в силу своей трансграничной природы этноконфессиональность не является непосредственной основой (причиной) для возникновения особого рода конфликтов, а придает лишь специфику и вектор направленности этнополитическим конфликтам.

Для большинства полиэтнических транзитных государств, в том числе и Кавказа, этноконфессиональность стала прагматичной идейно-политической базой для различных конструктов национальной идеи, национальной идеологии, национального идеала (например, идея «россиянства», или идеология «азербайджанства»). Принципиальное значение здесь имеет разрешение вопроса: если сводить развитие этносов (наций) к форме движения к определенному идеалу (цели, программной идеологии), то насколько «национален» этот социальный идеал, или же насколько «социален» национальный идеал? Мы полагаем, что мерилom здесь является этноконфессиональность, как универсальный аккумулятор исторически развивающегося этнического, социального и духовного опыта народа.

Этноконфессиональность в контексте безопасности (международной, региональной, национальной) может играть как позитивную роль, так и негативную (что, к сожалению, случается чаще всего). При благоприятном тренде развития, позитивная роль этноконфессиональности в этнополитической безопасности постсоветских транзитных государств нам видится в формировании на всех уровнях и у всех субъектов системы ее обеспечения социально-психологических установок на толерантность. Негативный аспект этой роли состоит в том, что формирующиеся на ее основе образы «избранных» и «неполноценных» народов, неизбежно подталкивают этноэлиты и значительную часть населения этноса к агрессивным действиям. Бесконечная борьба с «народами-врагами», ведущаяся под лозунгами «свободы и безопасности» собственного этноса, как показывает история, в конечном счете, приводит к вызреванию в недрах этого «больного» нетерпимостью общества новой политической тирании, которая делает уже совершенно бессмысленной и свободу и безопасность.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджимирзаев М.М. Этноконфессиональная толерантность как фактор обеспечения мира и безопасности на Северном Кавказе. Автореферат. дисс. на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Ставрополь, 2003
2. Дзарахова З.М. К вопросу о толерантности в этнокультуре народов Кавказа. // Всероссийская научная конференция «Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтнического и многоконфессионального региона» (Махачкала, 2007)

Tarix və onun problemləri, №3 2009

[http://www.ingush.ru/serdalo395\\_2.asp](http://www.ingush.ru/serdalo395_2.asp)

3. Конфликты на Востоке. Этнические и конфессиональные. // Под ред. проф. А. Д. Воскресенского. М: Издательство: Аспект-Пресс, 2008.

4. Травина Е. М. Современные проблемы этнокультурных и конфессиональных отношений. – Санкт-Петербург, 2007.

5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., АСТ, 2003.

6. Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М.: МГИМО, 2005.

7. <http://ru.wikipedia.org/wiki>

KƏNAN ALLAHVERDİYEV

#### ETNOSIYASI TƏHLÜKƏSİZLİYİN TƏMİN OLUNMASINDA ETNOSIYASƏTİN VƏ KONFESSIONALLIĞIN NİSBƏTİ

Məqalədə postsovet məkanında tranzit ölkələrinin yüksək münaqişəlik şəraitində etnosiyasi təhlükəsizliyinin təmin olunmasında etnosiyasətin və konfessionallığın nisbəti araşdırılır.

KANAN ALLAHVERDIEV

#### THE PHENOMENON OF ETHNIC AND CONFESSIONAL AFFILIATION OF THE POST-SOVIET TRANSITION STATES' NATIONAL SECURITY

The author investigates the phenomenon of ethnic and confessional affiliation that plays a special role in the highly conflictprone contexts of the post-Soviet transition states' national security.

*Rəyçilər: s.e.n.E.Mirbəşir oğlu, f.e.d.Z.Hacıyev.*

*Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Dövlət İdarəçilik Akademiyasının «Politologiya və siyasi İdarəetmə» kafedrasının 09 aprel 2009-cu il tarixli iclasının qərarı ilə çapa məsləhət görülmüşdür (protokol №11).*